

Татьяна Кадникова

Кадникова (Авдеева) Татьяна родилась в Пензе. Окончила Московский литературный институт им. А.М. Горького. Работает в литературном журнале «Сура» (г. Пенза) и заведующей Библиотекой семейного чтения. Автор публикаций в журналах «Новый мир», «Юность», «Молодая гвардия», «Северная Аврора», «Бег», «Сура», «Нижегородская провинция», «Edita» (Германия), в журнале для детей «Кукумбер», альманахах и антологиях: «Форма огня», «Русский стил», «Серебряный стрелец», «Поэзия третьего тысячелетия», «Москва поэтическая». Автор книг «Я – Незнакомка», «Когда звезды падают», «Частное пространство», «Портрет дома №12», «Пьеса для воздушного шарика», «Чистое время года». Стихи и рассказы переведены на немецкий язык. Живет в г. Заречном Пензенской области.

НА РАССТОЯНИИ ВЫТЯНУТОЙ РУКИ

* * *

Осталась от жизни какая-то треть...
 И... сколько там, в космосе, точек!
 ...Мне с возрастом в доме охота иметь
 Советский – представь! – уголочек.
 Чтоб там Первомай был, и техники шум,
 И с горном был гипсовый мальчик,
 И чтоб целый день «бум-бум-бум-бум-бум-бум!»
 Лупил в барабан барабанщик,
 Чтоб мы проклинали линейки с утра,
 Играли в спектаклях дурацких
 И Ленин стоял, не рассыпавшись в прах,
 Флажок в карандашнице – красный.
 ...И ухо соседки, как чуткий прибор,
 Прильнуло бы к стенке кирпичной...
 И всех нас на миг затопила любовь
 К припрятанной Родине личной.

* * *

Научившись, как все, ходить,
 Я училась бродить без цели,
 И прекрасное находить,
 Ум проветривать и студить,

И подолгу стоять у церкви.
 С неба вечности льет вода,
 Если держишь кулак разжатым.
 И торопятся господа
 Нищим кинуть пятак свой жалкий.
 И зари каменеет желчь,
 И с усмешкою смотрят в спины
 Две вороны в плащах бомжей,
 Гордо головы запрокинув.

* * *

Если вы спросите, как я живу,
 Отвечаю со смехом:
 «Каждый день собираюсь в Москву,
 Чтоб никуда не уехать».
 В маленьком городе хорошо
 Мне, восхитительно-смертной:
 Кружится жизни моей колесо
 Мышкой интернетной.
 Вот и с соседней планеты глядят,
 Прячась в скафандры тугие,
 Те, кого манит с рождения Земля...
 Но долетают другие.

* * *

Осенью много у ветра любовниц:
 Бабочек-тленниц, рябинниц, костровниц.
 Каждой любовнице в огненных лентах
 Ветер насвистывает фламенко.
 Каждая гордо несет подбородок.
 Бабочки осени – из благородных.
 Каждая, скорый конец рисуя,
 Ляжет в прекраснейший гроб из сосульки.
 Тронешь зимою сверкающий слепок...
 Белые мухи танцуют нелепо.

* * *

Мне помнится, в домике у реки
 Мы жили – светло и тесно...
 И мама дарила мне лоскутки –
 Она обивала кресла
 На фабрике мебельной
 день-деньской
 Своею маленькою рукой.

Стучали страшные молотки,
Кричали страшные мужики.

И куклам Машам – их целый взвод,
Сабинам, толстущим дамам,
Я мастерила на Новый год
Пальто от «любимой мамы».
Гулять их выстраивала по головам –
О, сколько завистливых ахов!

...Вот и сейчас – обниму диван –
И мамин приходит запах.
И вспомню,
 как цветной лоскуток
Лег надолго в письменный ящик,
Как мама ходила в немодном пальто,
И мех был ненастоящим...

* * *

С Масленой неделей сходит снег –
Распрявился, оголившись, куст...
И сто тысяч бабушек во мне
Блинчики румяные пекут,
Подхватив меня под локотки:
«Брось компьютер, детка, на часок!»
Из-под их уверенной руки
Спустится в тарелку стая солнц.
Вот летят блины мои, летят –
В кружевах, виньетках, вензелях.
Домочадцы очень есть хотят,
Сели кошки под окном, молясь.
Воробьи: «И нам ис-печь, ис-печь!»
И в руке половник задрожит:
Блин – моя торжественная речь,
Лучшая, быть может, за всю жизнь.
Будут вам – с вареньем и с икрой,
Тридцать – толстых, двадцать – потошей.
Ну а мне – блинок чудной, с дырой...
Или же с улыбкой до ушей?!

* * *

Такая на люстре висит тишина,
Что ангел под ней – сутул.
Как черное солнце на фоне окна,
Восходит компьютерный стул,

Случайно вчера пододвинутый мной
Вплотную к балконной двери,
Отполирован моею спиной,
Без бриллиантов внутри.
В ночи – жутковатое божество,
Закрывший все звезды диск...
И днем не видит вокруг никого
Тот, кто на нем сидит.

* * *

Когда мужчина спит, зажав в кулаке
Воздух, с которым сражался он,
Не стучи, рука, не шурши, пакет,
Телефон-дурачок, не жалуйся.
Свою дверь, сосед, дрелью не буравь,
Гони, байкер, другим кварталом.
Когда мужчина спит, из-под его ребра
Свет по-над одеялом.
В своем сне он не крепит флагшток,
Не прет со стремянки в космос.
Когда мужчина спит, он словно хомячок,
Даже если тренер по боксу.
В его снах – тишина
И – ни одного боевого товарища.
Средь банановых рощ идут жена
И дочь.
Переговариваются.

* * *

Души рыжих – к небу ближе.
Проливая рыжий цвет,
В сентябре все ниже, ниже
Солнце – близорукий дед.
Ни брюнета, ни блондина
Ручкою в пигментных пятнах
Он не гладит. Ищет сына –
В цвет своих волос, понятно.
Кинет в листья жара горстку.
И добавит цвет в физалис...
Может быть, солнцеволосый
Мальчик был положен в завязь?
Иль в тишайшей из песочниц
Спит в оранжевом ведрке?
Дед, забыв про стыд и совесть,
За собой сжигает город

И, сложив в паучью сетку
Листьев тлеющие искры,
Трогается в свой осенний
Путь – к сердцам по цвету близким.

* * *

Не денежнее, не удачливее
И не при муже кошечкой –
Хочу я стать музыкальнее...
Колокольчиком
Парад открывать на площади,
А следом – оркестр с тушем.
«Динь-динь» петь усталой лошади,
Стыдясь за свою воздушность.
Или взлетать над звонницей,
Язык от усердия высунув,
«Динь-дон» петь дуэтом с горлицей
О том, что асфальт весь высох,
Несет одуванчики Радоница,
В зеленых чепчиках почки...
А если спою неправильно,
Не примут меня в колокольчики.
Положат в котел, где сталь кипит,
Назавтра сделают ложкою.
И станет жизнь моя сытою,
А сытым молчать положено.

* * *

На расстоянии вытянутой руки
Живем мы лет двадцать и столько-то...
Сидим, как пещерные старички
У огонечка бойкого –
У телевизора мы сидим.
Влюбленные? Невлюбленные?
И льется времени синий дым
На наши веки бессонные.
И Вечность-паук, отделясь от стены,
В бинокль наблюдает – разведка!
Приглядывается пристально со спины...
Но нет между нами просвета.

